

УДК 821.512.151

DOI 10.25587/2222-5404-2024-21-2-182-191

Национально-культурные стереотипы в произведениях алтайских писателей

У. Н. Текенова

Научно-исследовательский институт алтаистики имени С.С. Суразакова, г. Горно-Алтайск, Россия,
Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Россия

✉ tekenovau@mail.ru

Аннотация. В каждой литературе имеются художники слова, отличающиеся глубиной проникновения в ментальные первоосновы собственной культуры, охватом многих жанров и стилей. В качестве такого «эпицентра» нами избрано полифоническое творчество алтайских классиков Д. Б. Каинчина (1938–2012), А. О. Адарова (1932–2005), Л. В. Кокышева (1933–1975) и Э. М. Палкина (1934–1991). Данная статья посвящена исследованию специфических черт отражения национально-культурных стереотипов на материале их произведений. В работе на примере анализа отдельных сюжетов и эпизодов некоторых романов подвергаются анализу различные поступки и действия главных и второстепенных героев. Автором работы исследуется модификация стереотипов в произведениях и отмечается наличие в романах алтайских писателей поверхностных и глубинных категорий стереотипов на диахроническом и синхронном срезах. В статье также охарактеризованы общие для литературной и мифологической традиции культурные коды, закрепленные в общественной памяти. На примере поступков и действий героев определяется взаимосвязь национально-культурных кодов алтайского этноса и национально-культурных стереотипов. Художественная картина мира алтайцев, описываемая в устойчивых элементах, кодах и мотивах народной культуры, поддается реконструкции в ее отдельных социально-исторических срезах в контексте изменения образа жизни этноса (дореволюционный Алтай, установление советской власти, репрессии, Великая Отечественная война, послевоенный период). В работе выявляется специфика реализации концепта «свой мир» / «чужой мир», рассматриваются средства отражения этнической идентичности, характеризующей сознание персонажей произведения. Доказывается, что в романе национально-культурный стереотип представляет собой относительно устойчивый и обобщающий образ, определяется набор культурных ценностей, свойственных представителям алтайского этноса. Отражены особенности функционирования в романе национальных образов и образов-символов, а также специфика репрезентации связанных с ними представлений в различных эпизодах и сюжетах. Рассматривается возможность преодоления схематизма социалистического реализма, обновления художественных форм и содержания в углублении психологизма и философского подтекста в произведениях алтайских писателей.

Ключевые слова: алтайская литература, Каинчин, Кокышев, Адаров, Палкин, алтайская проза, роман, национально-культурные стереотипы, культурный код, этнопоэтика.

Для цитирования: Текенова У. Н. Национально-культурные стереотипы в произведениях алтайских писателей. *Вестник СВФУ*. 2024, Т. 21, №2. С. 182–191. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-2-182-191

National and cultural stereotypes in the works of Altai writers

U. N. Tekenova

S.S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaistics, Gorno-Altaiisk, Russia

Gorno-Altaiisk State University, Gorno-Altaiisk, Russia

✉ tekenovau@mail.ru

Abstract. In every literature there are artists of the word who are distinguished by the depth of their penetration into the spiritual foundations of their own culture, covering many genres and styles. As such an "epicentre" we have chosen the polyphonic creativity of the Altai classics D.B. Kainchin (1938-2012), A.O. Adarov (1932-2005), L.V. Kokyshev (1933-1975) and E.M. Palkin (1934-1991). The article is devoted to the study of the peculiarities of the reflection of national and cultural stereotypes in the material of their works. On the basis of the analysis of individual plots and episodes of a number of novels, the article analyses various actions and deeds of the main and secondary characters. The author examines the modification of stereotypes in the works and notes the presence of surface and deep categories of stereotypes in the novels of Altai writers on diachronic and synchronic sections. The article also characterises the cultural codes common to the literary and mythological tradition and fixed in public memory. The interrelation of national and cultural codes of the Altai ethnos and national and cultural stereotypes is determined on the example of heroic deeds and actions. The artistic image of the world of the Altai people, described in the stable elements, codes and motifs of folk culture, can be reconstructed in its separate socio-historical slices in the context of the changing lifestyles of the ethnos (pre-revolutionary Altai, the establishment of Soviet power, repressions, the Great Patriotic War, the post-war period). The article reveals the peculiarities of the implementation of the concept of "own world"/"foreign world", considers the means of reflection of ethnic identity, characterising the consciousness of the characters of the work. It is proved that in the novel the national and cultural stereotype is a relatively stable and generalising image, a set of cultural values peculiar to the representatives of the Altai ethnos is defined. The peculiarities of the functioning of national images and image-symbols in the novel are reflected, as well as the specificity of the representation of related representations in different episodes and plots. The possibility of overcoming the schematism of socialist realism, renewal of artistic forms and content in the deepening of psychologism and philosophical subtext in the works of Altai writers is considered.

Keywords: Altai literature, Kainchin, Kokyshev, Adarov, Palkin, Altai prose, novel, national and cultural stereotypes, cultural code, ethnopoeitics.

For citation: Tekenova UN. National and cultural stereotypes in the works of Altai writers. *Vestnik of NEFU*. 2024, Vol. 21, No. 2. Pp. 182–191. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-2-182-191

Введение

Горный Алтай в огромном этнокультурном пространстве России играет немаловажную роль как место, где в первую очередь ценится духовность, и вопрос о национальном своеобразии алтайской литературы актуален тем, что указывает на ее равноправие среди других литератур народов России. Многоязычие и разные культуры в одном пространстве существуют везде, но согласимся с утверждением, что «подобно тому, как явления и предметы располагаются в живописи», важно видеть их «со-присутствие», а не разделять их [1, с. 171]. В этом плане понятно стремление многих алтайских писателей к возвращению к истокам, к глубинным основам бытия, к мифологии,

содержащему в себе эти основы, и устному народному творчеству, и не только алтайцев, но и всех народов России, которое подтверждает важность нового витка «спирали, открывающей в национальном систему ценностных ориентаций» [2, с. 150]. Отрадно, что алтайская литература, как и любая другая литература народов России, тоже опирается на уникальные традиции своего народа, для которого свойственна философия существования в гармонии с окружающим миром. Определение национально-культурных стереотипов в романах «Ўстибисте Ўч-Сүмер» («Над нами Белуха», 1986, 2003) Д. Б. Каинчина, «Олүмнин чанкыр кужы» («Синяя птица смерти», 1993) А. О. Адарова, «Арина» (1959, 1980) и «Мечин жылдыс» («Созвездие плетяды», 1971) Л. В. Кокышева, «Алан» Э. М. Палкина является основной целью данной работы. Для достижения поставленной цели нами поставлена задача – изучить теорию и труды ученых по поставленной проблеме, исследовать алтайские романы с учетом определения взаимосвязи национально-культурных кодов коренного этноса Алтая и национально-культурных стереотипов. В соответствии с поставленными задачами мы применили имманентный подход, позволяющий более глубокое исследование внутреннего содержания и композиции произведений, особый акцент и пристальное внимание были к «текстовой данности» литературного произведения, к наиболее полному охвату анализом всех формальных и смысловых пластов анализируемых текстов. Научная новизна работы заключается в том, что до настоящего времени национально-культурные стереотипы в алтайской литературе не были предметом отдельного исследования в целом и вышеназванных романов в частности. Результаты данной работы могут быть использованы учителями, учеными-филологами в области алтайского языка и литературы.

Модификация национально-культурного стереотипа в произведениях алтайских прозаиков

С середины XX в. алтайские писатели в своих произведениях стали отходить от «подтагивания под современный европейский образ жизни, что на первых порах не могло не привести к известной денационализации жизни и литературы» и обнаруживают «свою национальную содержательность, упругость, сознательное и критическое отношение и отбор чужеземного материала» [3, с. 113, 158], которые наблюдались и в русской литературе. В частности, Н. М. Киндикова подчеркивала необходимость исследования творчества алтайских прозаиков с точки зрения отражения национальной картины мира [4–6], что позволяет современным исследователям обратиться к рассмотрению вопроса «национально-культурные стереотипы» в алтайской прозе. В 1970-е годы Р. А. Палкина рассматривала проблемы рождения и утверждения жанра романа в литературах Южной Сибири (алтайской, тувинской и хакаской) и обратила внимание на вопрос развития жанра романа «на основе творческого использования богатейших национальных традиций, художественного опыта более развитых литератур, особенно традиций автобиографического романа М. Горького», где ученый отмечает, что «своеобразие художественных эпических традиций в этих литературах предопределило специфику сюжетосложения и композиции. На основе сюжета большинства алтайских, тувинских и хакаских романов и повестей – классовая коллизия. На формирование сюжета в значительной мере влияют документ, этнография, фольклор; ими же обуславливается своеобразие развития романного языка» [5, с. 122–123]. Все это позволяет нам исследовать формирование и модификацию национально-культурных стереотипов в романах в целом и в алтайской литературе в частности. Привлекает внимание то, что писатели исследуют наиболее важные, решающие, переломные исторические периоды методом драматизации эпической формы, введением подтекстовых конфликтов, раскрывая глубинные скрытые пласты сюжетного развития социально-исторического, религиозно-этического содержания (картины быта, детали и вещный мир), помогающих выявить особенности и существенные стороны национальной

жизни. Что же касается национально-культурных кодовых знаков этносов, то они проявляются в художественной литературе через язык, мифологию, обычаи и традиции, историю и культуру того или иного этноса [6]. Здесь возникает необходимость учета таких внешних и внутренних факторов, как влияние географической среды, а также от объективно-исторических и общественно-государственных условий бытования национальных литератур до ментальных особенностей представляющих их народов. Отмечая неограниченные перспективы познания компаративистики, обратим внимание на усиление имагологии – изучения национальных образов (имиджей) народов и стран в рецепции других народов и регионов во второй половине XX в. наряду с другими ее отраслями, такими как литературоведение, лингвистика, культурология, этнология, социология и т. д. В частности, В. Р. Аминев справедливо отмечает: «Сопоставление обозначаемых в терминах теоретической и исторической поэтики словесно-художественных явлений опирается на историко-генетический метод, позволяющий выявить их истоки и рассмотреть становление, что сближает сопоставительную поэтику с историей литературы и исторической поэтикой» [7, с. 303]. При исследовании национально-культурных стереотипов литературоведы обращают внимание на историю их развития, жанровую систему и стилевые направления. Такой подход к проблеме создания этнической картины мира применительно к той или иной национальной литературе всегда имеет свои отличия. В алтайской прозе мы особо выделяем осмысление внутреннего мира человека и его отражение в поэтическом пространстве во всех его многоплановых связях с окружающей действительностью. В литературоведении это принято называть термином «топос» (греч. «место»), константа или универсальная категория [8]. Уклад жизни и культура, традиции и национальные характеры берут свое начало из окружающей среды, из условий существования народов. Г. Д. Гачев это отмечает специальным термином-неологизмом – «природина»: «... Каждая национальная целостность есть Космо-Психо-Логос, то есть тип местной природы, национальный характер народа и склад мышления находятся во взаимном соответствии и дополнительности друг к другу» [9, с. 278].

В настоящее время алтайской прозе стало уделяться достаточное внимание читателей и ученых алтайской литературоведческой науки – перечитываются и по-новому переосмысливаются романы и повести классиков нашей литературы (на рубеже XX–XXI вв.)

В алтайской литературе дореволюционный Алтай достаточно хорошо представлен в произведениях «Чөбөлкөптин жүрүмү» («Житие Чевалкова») или «Памятное завещание» М. В. Чевалкова (1817–1901), «Улалу» и «Чөбөлкөп» С. С. Суразакова (1925–1980), а также в романе «Ўстибисте Ыч-Сүмер» («Над нами Белуха») Д. Б. Каинчина. Если в произведениях М. В. Чевалкова ярко выражено житийное начало, так как автор является священником, следовательно, автобиографизм его произведения подчинен идее христианизации алтайцев и стремлению главного героя к богопознанию [10]. В отдельных же главах незаконченных романов С. С. Суразакова, ученого и фольклориста, наблюдается стремление писателя отойти от информативности и штампов и психологизировать изображаемые конфликты и характеры своих героев. Так, в С. С. Суразаков ярко представил «свой» и «чужой» мир через обряд крещения алтайцев и быт крещенных и некрещенных жителей Улалы, через которые наблюдаются изменения в стереотипах героев. В произведении представлено противоречивое психологическое состояние крещенных алтайцев – это остригание косичек у мужчин, которые считались оберегами, через который алтаец связан с божественной защитой, раскрывается психология человека, меняющего свое мировоззрение, веру, даже свое имя.

Горный Алтай в первые два десятилетия XX в. наиболее ярко представлен в романе «Ўстибисте Ыч-Сүмер» Д. Б. Каинчина. Р. А. Палкина анализирует первую часть произведения «Ўч-Сүмер алдында» («Под Белухой», 1986) и отмечает высокий уровень

обобщения, новизну подхода писателя к материалу, ставшую показателем художественной зрелости прозы писателя и глубоких знаний быта и нравов народов дореволюционного Алтая. Роман «Над нами Белуха» («Ўстибисте Ўч-Сүмер», 2003) отличается богатством элементов мифологии и фольклора. Д. Б. Каинчин сумел отразить в своем творчестве собственную идентичность и особенности своего этноса, в котором проявляется богатство языка и исторический и социальный опыт народа. При этом большую роль играют национально-культурные коды и фольклорно-мифологическое сознание этноса, бытующие в системе традиционной алтайской культуры (мировая гора, мировое дерево, коновязь, очаг, огонь). В качестве примера обратимся к исследованию модификации национально-культурных стереотипов в романе через образы Асканака, Самтар бая, Табытка Тобокова и других, которые позволяют нам наблюдать в романе последовательное столкновение различных культурных кодов и мифологических концептов. Их интерпретация зависит и от специфики национальных образов мира, и от господствующих литературно-эстетических традиций и особенностей восприятия места героя в социально-этическом мире эпохи. Легенды и предания, исторические песни и героический эпос алтайцев свидетельствуют об исторической судьбе народа. Через образ-символ гор Д. Б. Каинчин размышляет о вечности жизни: «Горы, горы, горы. Ставшие защитой-оберегом горы. Среди этих гор человек не чувствует себя окруженным. Они человека не притесняют, не давят, не принижают и не показывают его беспомощность. Это потому, что каждая гора добрая, имеет красивый вид (лицо), каждая величественная, мудрая, в каждой есть скрытые мысли, удивительное волшебство. Горы будут стоять вечно, по сравнению с ними ты то ли муха, то ли жук. Но такие мысли к человеку не придут, потому что дерево упадет – лес останется, человек исчезнет – человечество останется» [11, с. 31].

В романе Д. Каинчина одежда, манера поведения, речь представителя Горной Думы Асканака дают полную информацию об этом человеке. Косички нет – значит крещенный, речь тоже выдает, что он нездешний; одежда – что он чужак, приехавший издалека. Но при этом он входит в айыл Самтар бая, осторожно переступая порог (нельзя наступать на порог), на перевале повязывает ленту/жалама, прося благословения и защиты у Алтай-Кудая, при этом совершенно забыв, что принял другую веру: «Алтайым, кудайым... албатым, ада-öbököm, айы-күним, тенерим... Јүрүм беригер, јол беригер. Јаман, јолымнан јайла, јакшы – јуукта, јанымнан айрылба... Асканактын креске түшкени, Христос кудайлузы, Александр деп аттузы онын санаазына да кирбеди» («Алтай мой, бог мой... народ мой, предки мои, солнце и луна мои, небо мое... Жизнь дайте, дорогу дайте. Плохое – уходи с моей дороги, хорошее – приближайся, не отходи от меня... Асканак даже и не вспомнил, что он крестился, что его бог Христос, что его имя Александр») [11, с. 83].

Одним из главных действующих персонажей романа является Самтар бай, настоящее имя которого Тотороков Тудачы, об этом читатель узнает только в одном эпизоде, когда к нему приехал Асканак. «Самтар» – в переводе с алтайского языка звучит как «лохмотья, лохматый». В реальной жизни «Самтар» – это прозвище, а как известно, отражение личности через прозвище всегда субъективно, утрировано. Тудачы Тотороков из рода майман – очень работающий и богатый человек, но он не считает зазорным самому трудиться. Всегда ходит в рабочей одежде. Его трудолюбие и отношение к своему хозяйству знают все.

Принявший православную веру Табытка Тобоков в критический момент обращается с мольбой к священной горе своих предков Адыган, а родовое предание о небесной шаманке Каана, включенное в повествование, служит раскрытию его образа. Наш интерес привлекает и включение в сюжетную канву смешения этнических элементов в семьях шаманов. Как отмечал еще Л. П. Потапов, «смешение этнических элементов (например, через брак) отражалось даже на камском преемстве: тувинцы, алтайцы, шорцы оказались в приведенном случае причастными к родословной одного из укту камов. Отсюда следует, что влияние такого смешения этнических элементов на шаманские представления и культ

– вполне реальный факт, который иногда, хотя и с трудом, но может быть обнаружен. Стало быть, данное обстоятельство должно учитываться при исследовании тех или иных сюжетов и явлений алтайского шаманизма, ибо смешанный этнический состав саяно-алтайских народов и их родоплеменных групп не вызывает сомнения и во многом уже выяснен конкретно» [10]. Смешение этнических элементов через брак в рассматриваемом романе представлено с целью более глубокого раскрытия образа Табытка Тобокова из рода комнош, для объяснения внезапных приступов болезни героя, его стремления во что бы то ни стало камлать («предки давили») вводится эпизод о его родословной, о которой он даже не ведал. Д. Б. Каинчин включает в роман сюжет о шаманке-девушке Канаа, который раскрывает мотивы появления предания о небесной потомственной шаманке-тувинке (о шаманах небесного происхождения пишет в своем романе и М. Б. Кенин-Лопсан). Чтобы показать мифологизированное пространство и время происходивших событий, автор использует фольклорную поэтику, которая проявляется во введении элементов сказочного зачина: «Бу керек озо-озо чакта болгон. Је төһөниң куйругы јерге сүүртелип, текениң мүүзи тенериге тийип турар туштардан чик јок бери јанында» («Это было давным-давно. Но гораздо ближе, чем те времена, когда хвост верблюда волочился по земле, а рога горного козла задевали небо») [11, с. 229].

Исследование модификации национально-культурного стереотипа в произведениях алтайских прозаиков приводит к выводу, что знание национально-культурных стереотипов своего этноса позволяет глубже раскрыть и понять мифопоэтические схемы, встречающиеся на разных уровнях структуры рассмотренных романов и создавать в своей голове свою «картину мира» (объективную или субъективную оценку), частью которой и является стереотип. Результаты исследования подтверждают, что врожденные и приобретенные в процессе формирования культурные стереотипы начинают входить в сознание с момента идентификации человека со своим этносом и определенной культурой (Самтар бай, Табытка, Асканак).

К примеру, в родовых преданиях, включенных в отдельные эпизоды романа Д. Б. Каинчина, наблюдается этнопсихологическая характеристика известных представителей определенного рода как важный элемент этнического самосознания, в художественном тексте присутствует также информация о происхождении имен (фамилии у алтайцев появились в начале XX в.). В романе отчетливо прослеживаются взаимосвязи национально-культурных кодов алтайского этноса и национально-культурных стереотипов. Каждый алтайский род имеет миф о происхождении рода, священную гору, дерево и тотемное животное, предания о известных событиях, связанных с представителями их рода. В качестве примера обратили внимание на такую особенность, что герои – представители разных алтайских родов (зайсан Аргымай – көгөл майман, Самтар бай – майман, Асканак – мундус, Г. И. Гуркин – чорос, Сопрок – мундус, Табытка Тобоков – комнош).

Знания об алтайских родоплеменных делениях позволяет читателям и исследователям говорить об определенных национально-культурных стереотипах, таких как – самосознание, привычки, быт, национальная гордость, национальные стереотипы в отношении к другим народностям. При этом важным является то, как народ ведет себя в определенный временной период.

Первый алтайский роман «Арина» (1959) [12] Л. В. Кокышева считают произведением, посвященным судьбе женщины-матери в годы Великой Отечественной войны. В этом произведении наше внимание привлекает формирование атеистических взглядов у подрастающего поколения, требующих от мальчика по имени Кара отказаться от привитых с рождения веры в бога, духов гор и рек, в живую природу. Внимательное прочтение произведений и исследование поступков и действий героев в художественном пространстве алтайских романов с учетом национально-культурной специфики позволяют выстроить причины формирования новых стереотипов. Шаг за шагом мальчик пытается

все познать своим личным опытом: но ему трудно объяснить отрицание бога учителями в школе и понять свою бабушку, которая с детства приучала его к бережному отношению ко всему живому и окружающему миру, прививала веру в бога. Камнем преткновения стали куклы-обереги, к которым в «последний раз» обратился мальчик со своей просьбой – подарить ему богатырского коня и воинские доспехи. Но, разочаровавшись, он пытается их уничтожить (сжечь, выбросить). Старики, чтобы после проступка мальчика смягчить и умиловать Алтай-Кудая, совершают обряд очищения, и бабушка просит внука поднять кукол-оберегов на вершину священной горы (женщинам туда подниматься запрещено). И эта просьба осталась невыполненной по ряду причин. На примере поступков ребенка можно объяснить, как разрушались сформированные с рождения взгляды на жизнь. Соглашаясь с утверждением, что стереотипы, как правило, не являются тождественными ни национальному характеру, ни представлению народа о себе, все же отметим, что для сохранения первичной культурной идентичности все же необходим стереотип.

Формирование определенных стереотипов наблюдается в романе «Мечин жылдыс» (1971) Л. В. Кокышева, где главные герои – молодежь 1930–1940-х гг. Произведение является самостоятельным художественным текстом, а это, как показывает история литературы, сильнее всего влияет на современников, надолго оставаясь в их памяти, создавая у потомков определенный образ ушедшей эпохи. События в романе разворачиваются в 1940 г. и завершаются весной 1945 г.: «Кайкамчылу өйлөр... Уулдар пиджактарынын тōжинде «Ворошиловский адучы» деп значокторлу жүрөтөн, кыстар десе кажы ла вечерге эмесе танцаларга Мэри Пикфорд деген киноартистканын чачындык прическалу келгилейтен. <...> Ол өйдө жиит улус ончозы.... Жүрүмнин жаражына кайкажып, ончо иштерде туружып, омор келетөн өйдө эн ле уур, эн ле кату өйлөрдө өдөтөнүн сепегендер. Ол тушта жүрүм элбек, амаду бийик болгон... Ундылбас, кайкамчылу өйлөр!» («Удивительные времена... Парни ходили со значком «Ворошиловский стрелок» на груди, а девушки на каждый вечер или танцы приходили с прической как у киноактрисы Мэри Пикфорд. <...> В то время все молодые люди ...радовались красоте жизни, принимали участие во всех работах, не понимая того, что в будущем им придется пройти самое трудные, самые тяжелые времена. Тогда жизнь была широкой, а цели высокие... Незабываемые, удивительные времена!») [13, с. 5–6].

В романе важную роль играет показ социальной картины жизни довоенной действительности и действительности в условиях тыла, которая структурируется вокруг общественно-политических особенностей исторического времени. Провожая сына из отпуска, мать Карана проводила его до высокого перевала, разожгла там небольшой костер и совершила обряд поклонения Алтаю, с просьбой благословения сыну: «– Адыннан тўжеле, Алтайына көр ал, балам... Алды жолын женил болор, кичинек те болзо от салып ий» («Сойди с коня, посмотри на свой Алтай, сын мой... Предстоящая дорога будет мягкой, пусть небольшой, но костер разожги».)

В это время Каран думает, что, так совершая обряд поклонения Алтаю, мать просто зря проводит время, но мама продолжает: «– Баламнын баскан жери байрамду болгой, бараткан жери ырысту болгой...» («Пусть земля, куда ступает мой сын, будет ему как праздник, земля, куда он едет – счастливой») [13, с. 42–43]. Мы наблюдаем, что сын не принимает всерьез проводимый матерью обряд поклонения огню, перевалу, Алтаю. Нужно отметить, что роман «Мечин жылдыс» Л. Кокышева, к сожалению, не был встречен положительными рецензиями исследователей. Между тем, писатель в своем произведении попытался найти возможность преодоления схематизма социалистического реализма, обновления художественных форм и содержания в углублении психологизма и философского подтекста. Одной из причин, возможно, стало то, что автор в романе сумел не коснуться другого признака изображаемой эпохи – всеобщую подозрительность, охватившую общество конца 1930-х гг. (сталинские репрессии). В романе два главных

героя – Каран и Лена, вокруг которых разворачиваются основные события. Они и другие комсомольцы – носители одного типа сознания. К другому типу героев относятся Зоя и дезертир Куйрук. Критерием различия является их отношение к судьбе родной страны, к власти, народу.

Интересна модификация национально-культурных стереотипов в романе «Алан» (1966) Э. М. Палкина. При последнем переиздании романа «Алан» (2024) в него было бы уместно включить заключительную главу «Јазалбаган јол» (датируется 1967 г.), изданную в сборнике «Бичигенеер јакшы, Эрте!» (1997) [14], в которой наблюдаем тот острый социально-психологический конфликт эпохи, о котором мы ставим вопрос сегодня (социальное неблагополучие, духовный кризис в обществе, некоторые проблемы национального бытия). Именно в этой главе автором поднимается вопрос о необходимости сохранения своей национально-культурной идентичности в советский период. В частности, писатель устами студентки поднимает вопрос о традиционном именовании алтайцев. Если каждый народ будет давать своим детям свои национальные имена, в этом будет красота мира в ее разнообразии. В качестве примера девушка вспоминает экскурсию в г. Москву, где у ее подруги спросили имя, а ответ девушки «Вероника» разочаровал собеседника. Или же другой пример – насильное избавление от традиционных алтайских юрт в пользу современных (по тому времени) изб, выстроенных по запланированным улицам. Причиной сноса стал «неприглядный» вид, который портил общую картину благополучия колхоза:

«Парторг Байзынга јаантайын райкомнон письмолор келетен, јуундар болгон сайын ол письмолорды кычырып, «трахомнын, ыштын, кир-тордын, оору-јоболдын уйазын бузуп өртөгөр» деп јакып туратан.

– Коммунисттер, комсомолдор айылдарын озо буссын! – деп, Байзын учында некеер болгон.

Аланга эјезинин чадыр айлын бойы озо бузуп, јайладарга келишкен. Онын өскө аргазы јок болгон: председатель баштабаза, кем баштайтан?

Эјези изү јайгыда турага отурып болбой, тышкары чөмчөйип калган кунукчылду отуратан, казан ла аскан сайын кимиректенип арбанатан. Алан учында кажаган айылдан тудала, үстин јосло эптү бүркеп ийген. Айылдын ичине јабыс балкаш печкенең соктырала, трубазын түнүктен чыгарып салган. Чындап та, мындый айылдын ичинде ыш та јок, отуарга да ару, серүүн болгон».

(«Парторгу Байзыну из райкома приходили письма, которые на собраниях он зачитывал и наказывал: «разрушайте и сжигайте гнездо трахомы, дыма, грязи, болезней».

– Коммунисты и комсомольцы должны разрушить первыми! – начал в конце он требовать.

Алану пришлось самому первым снести айыл сестры и убрать его. У него не было другого выхода: кто начнет, если не председатель сам.

Сестра в жаркое лето не могла высидеть в избе, выходила на улицу и грустно сидела в тени, каждый раз, когда ставила казан, про себя тихо ругалась. Алан в конце концов построил ей из бревен новый айыл, крышу сделал из теса. В центре поставил глиняную печь, а трубу вытянул из дымохода. И вправду, в такой юрте не было дыма, чисто и прохладно» [14, с. 34]). В романе Алан все же находит выход из сложившейся ситуации, подстраивается под требование времени, но все же сохраняет в какой-то мере традиционный быт сестры.

В постперестроечное время А. О. Адаров пересматривает и дает совершенно другую оценку истории своей страны. В этом плане привлекателен роман «Өлүмнинг чанкыр кужы» («Синяя птица смерти», 1993) [15] А. О. Адарова, написанный в постсоветский период в жанре исторического романа. Через судьбу главного героя Эрела Яприна показана правдивая картина жизни многих тысяч людей в годы репрессии – несправедливо осужденных «врагов народа», «националистов», «японских шпионов». Уже в период гласности и перестройки с возрастом Эрел Яприн все больше начинает осознавать

глубинную связь с родиной – Алтаем. Он часто в одиночестве совершает обряд поклонения огню, прося благословения у Алтай-Кудая.

Заключение

Таким образом, анализ национально-культурных стереотипов в произведениях алтайских писателей позволяет нам выделить (по А. В. Павловской) поверхностные и глубинные категории стереотипов, первое представление из которых указывает на стереотип об алтайском народе, обусловленный исторической, внутрисполитической ситуацией, т. е. стереотип, который меняется в зависимости от ситуации. Второй – глубинные стереотипы, они неизменны и обладают удивительной устойчивостью. Именно глубинные стереотипы позволяют объективно исследовать особенности национального характера алтайского этноса сказитель Ээды, Табытка Тобоков, кам Карбыш, Асканак (Д. Каинчина), мама Карана и бабушка мальчика Кара (Л. Кокышева), Алан и студентка Жийлек (Э. Палкина) и др.

Через образы главных героев, почитание Матери-Земли и традиции подношения духам Алтая пищи и питья авторы раскрывают их взгляды на происходящие перемены в судьбе алтайского народа. Судьбы главных героев объединили общие взгляды и интересы, где консолидирующим ядром алтайской жизни были традиции и обряды этноса. Социальная и историческая значимость рассмотренных произведений заключается в том, что они помогают понять сложные переходные периоды в жизни народа, где исторические корни и культурная самобытность алтайцев раскрываются с предельной точностью.

Л и т е р а т у р а

1. Сафиуллин, Я. Г. Крутые повороты : арабица, латиница, кириллица / Я. Г. Сафиуллин // Казанский альманах. – Казань : Бирюза, 2017. – С. 171–180.
2. Султанов, К. К. «Лабиринт сцеплений». Этническое – национальное – художественное / К. К. Султанов // История национальных литератур. Перечитывая и переосмысливая. – Москва, 1996. – С. 150–161.
3. Гачев, Г. Д. Неминуемое. Ускоренное развитие литературы. – Москва, 1989. – С. 113, 158.
4. Киндикова, Н. М. Творчество Д. Каинчина : итоги последнего десятилетия / Н. М. Киндикова // Алтайская литература в контексте тюркоязычных литератур Сибири. – Горно-Алтайск, 2001. – С. 3, 5–6.
5. Палкина, Р. А. Роман в литературах народов Южной Сибири / Р. А. Палкина. – Горно-Алтайск, 1979. – 123 с.
6. Киндикова, Н. М. Проблемы перевода национальных литератур / Н. М. Киндикова // Взаимоперевод национальных литератур : сохранение этнокультурных особенностей. – Горно-Алтайск, 2014. – С. 9.
7. Аминева, В. Р. Сопоставительная жанрология : методы исследования / В. Р. Аминева // Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Литература и художественная культура тюркских народов в контексте Восток – Запад». – Казань : Артефакт, 2018. – С. 303–309.
8. Литературная энциклопедия терминов и понятий / глав. ред. и сост. А. Н. Николюкин. – Москва : Интелвак, 2001. – С. 107.
9. Гачев, Г. Д. Космо-Психо-Логос / Г. Д. Гачев. – Москва : Академический проспект, 2007. – С. 278.
10. Потапов, Л. П. Алтайский шаманизм / Л. П. Потапов. – Ленинград : Наука, 1991. – 321 с.
11. Каинчин, Д. Б. Ёстибисте Ёч-Сёмер / Д. Б. Каинчин. – Горно-Алтайск, 2003. – 494 с.
12. Кокышев, Л. В. Арина / Л. В. Кокышев. – Горно-Алтайск, 1959. – 239 с.
13. Кокышев, Л. В. Мечин жылдыс / Л. В. Кокышев. – Горно-Алтайск, 1971. – 294 с.
14. Палкин, Э. М. Бичигенеер якшы, Ёрте! / Э. М. Палкин. – Горно-Алтайск, 1978. – 324 с.
15. Адаров, А. О. Ёлёмнин чанкыр кужу / А. О. Адаров. – Горно-Алтайск, 1993. – 469 с.

References

1. Safiullin YaG. Steep turns: Arabic, Latin, Cyrillic. Kazan Almanac. Kazan: Biryuza, 2017:171-180.
2. Sultanov KK. "Labyrinth of clutches". Ethnic - national – artistic. History of national literatures. Rereading and rethinking. Moscow, 1996:150-161.
3. Gachev GD. Imminent. Accelerated Development of Literature. Moscow, 1989:113,158.
4. Kindikova NM. Creativity of D. Kainchin: the results of the last decade. Altai literature in the context of Turkic-speaking literatures of Siberia. Gorno-Altai, 2001:3,5-6.
5. Palkina RA. The novel in the literatures of the peoples of South Siberia. Gorno-Altai, 1979:123.
6. Kindikova NM. Problems of translation of national literatures. Mutual translation of national literatures: preservation of ethno-cultural features. Gorno-Altai, 2014:9.
7. Amineva VR. Comparative genology: methods of research. In: Proceedings of the International scientific conference "Literature and artistic culture of Turkic peoples in the context of East - West". Kazan: Artifact, 2018:303-309.
8. Nikolyukin AN. (ed.) Literary encyclopedia of terms and concepts. Moscow: Intelvak, 2001:107.
9. Gachev GD. Cosmo-Psycho-Logos. Moscow: Akademicheskyy Prospekt, 2007:278.
10. Kainchin DB. Ыstibiste Ыch-Sыmer. Gorno-Altai, 2003:494. (in Altai)
11. Potapov LP. Altai shamanism. Leningrad: Nauka, 1991:321.
12. Kokyshev LV. Arina. Gorno-Altai, 1959:239.
13. Kokyshev LV. Mechin dyldys. Gorno-Altai, 1971:294. (in Altai)
14. Palkin EM. Bichigeneer djakshy, Erte! Gorno-Altai, 1978:324. (in Altai)
15. Adarov AO. Ъlymnin чанкыр kuzhy. Gorno-Altai, 1993:469. (in Altai)

ТЕКЕНОВА Ульяна Николаевна – к. филол. н., с. н. с., Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова; доц. каф. алтайской филологии и востоковедения факультета алтаистики и тюркологии, Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Россия.

E-mail: tekenovau@mail.ru

Ulyana N. TEKENOVA – Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher of S.S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaistics, Associate Professor of the Department of Altaics Philology and Oriental Studies, Faculty of Altaic and Turkic Studies, Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia.